

Борис Фрезинский

Алма-Ата — Париж

Неизвестное интервью Юрия Софиева

Поэт Юрий Борисович Бек-Софиев (1899-1975^{*)} родился в семье кадрового артиллериста; участвовал в гражданской войне (поручиком конно-артиллерийского дивизиона), затем, понятно, эмигрировал. Встречи с Софиевым в Париже упоминают многие мемуаристы, но по-настоящему выразительный его портрет довоенной парижской поры возникает лишь на страницах «Полей Елисейских» Василия Яновского: «Был он отличным товарищем, несмотря на естественную склонность к интриге и смуте. Рыжеватый блондин с кудрями, несколько похожий на древнего галла, он зимой, на расвете, мыл стекла окон больших магазинов и контор со стороны улицы: кожа его рук об этом свидетельствовала. Поднапорев на мучительной работе, Софиев вполне проникся классовым сознанием, на всех наших собраниях (и даже внутреннего «Круга») он защищал интересы трудового народа... К религиозным вопросам оставался нечувствительным. Но обожал песню, стакан вина в кругу друзей и по-гусарски просто влюблялся».

Вспоминая тогдашние собрания молодых поэтов на Монпарнасе, Яновский пишет: «Софиев там и романсы пел, и стихи декламировал, вел себя не то молодым офицером, не то студентом — вообще, пользовался успехом у дам».

В стихах его жены, поэтессы Ирины Кнорринг (1931 г.) возникает иной портрет, портрет домашнего Софиева:

*Голос твой — нерадостный, незвонкий,
Взгляд усталый, скучный и больной.*

Точно так же иными выглядят в ее стихах и ежедневные встречи поэтов:

*А сказать друг другу было нечего,
Разговор был скучный и скупой...
Шумный, долгий монпарнасский вечер
Вдунул жизнь в "Ротонду" и "Куполь".*

*Становилось скучно, страшно даже.
Ждем, что кто-нибудь сейчас придет
И со вкусом в сотый раз расскажет
Злой литературный анекдот.*

В Париже Софиев много печатался в периодике. В 1937 г. вышла книга его стихов «Годы и камни».

^{*)} Такой год смерти указан в комментариях к книгам Н.Берберовой «Курсив мой» (М., 1996), В.Яновского «Поля Елисейские» (СПб, 1993) и «Вернуться в Россию стихами» (М., 1995). В предисловии к книге стихов Ирины Кнорринг (Алма-Ата, 1993) ее составитель профессор А.Л.Жовтис, связанный с семьей Софиева, называет годом смерти поэта 1974-й.

Мысль о возвращении на родину преследовала его упорно; в 1930 г. И.Кнорринг, обращаясь к мужу, писала:

*Ты мечтаешь: "Вот вернусь домой,
Будет чай с малиновым вареньем..."*

Она была тяжело больна и благодушием не страдала, отсюда заключительные строки — они свидетельствуют если не о проницательности, то об отсутствии иллюзий:

*Глупый друг, ты упустил одно:
что не будет главного — России.*

Ирина Кнорринг умерла в Париже в 1943 году; Юрий Софиев участвовал в Сопротивлении, он, в отличие от многих, сотрудничеством с гитлеровцами себя не запятнал. Как и А.Ладинский, после войны Софиев вернулся в СССР («Верные сыны великодержавной России после трудной победы Красной армии взяли советские паспорта», — так это аттестует Яновский). Софиева «направили на жительство» в Алма-Ату; он служил там «художником» биологических объектов в Зоологическом институте и стихов, кажется, не писал.

В комментарии к «Курсиву» Берберовой сказано, что «в 1967 году Софиев умудрился издать в Алма-Ате книгу своей покойной жены Ирины Кнорринг». На самом деле книжечка эта была издана стараниями 86-летнего отца поэтессы Н.Н. Кнорринга (он ознакомил со стихами дочери Ахматову и получил ее доброжелательный отзыв; через родственников вручил рукопись сборника Твардовскому, тот к стихам отнесся сочувственно, но от помощи в издании уклонился — правда, по выходе алма-атинской книжицы редактор «Нового мира» санкционировал публикацию положительной рецензии в своем журнале**).

В 1969 году к Софиеву с вопросами о его парижских встречах обратился алма-атинский литературовед, доцент тамошнего педвуза Ефим Иосифович Ландау (1916-1971), работавший над докторской диссертацией об Илье Эренбурге. (Как и многих, судьба занесла Ландау в Казахстан в 30-е годы — его семью выслали

^{**) Об этом пишет А.Л.Жовтис в предисловии к сборнику И.Кнорринг (Алма-Ата, 1993).}

Ю. Б. Софиев. Род. в 1899 г. Председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже.

Фото из юбилейного сборника «Последних новостей».

туда из Киева.) Беседуя с Софиевым, Ландау интересовался главным образом встречами с Эренбургом и его окружением. Рассказы Софиева были им записаны и авторизованы; тогда же Е.И. прислал мне текст этого интервью. (Примерно в то же время Ландау записал воспоминания сосланных в Казахстан киевского искусствоведа Е.Ю.Спаской и работника Ленгиза Д.Н.Ангелта.) Существенная часть архива Ландау исчезла в 1971 году (после обыска, произведенного у него КГБ, Е.И. покончил с собой; жил он один, квартиру его «обследовали» повторно и опечатали; вскоре репрессии коснулись и его друзей: из университета были изгнаны филологи И.А.Смирин, А.Л.Жовтис и др.). Наиболее огорчительной оказалась «пропажа» подготовленных Ландау комментариев к тому Эренбурга в «Библиотеке поэта» и других рукописей.

Попытки напечатать в начале перестройки в алма-атинском «Просторе» сохранившиеся у меня материалы Е.И. (воспоминания и фрагменты его переписки) одобрения редакции не встретили. Публикация записанных Ландау воспоминаний Ю.Софиева впервые знакомит читателей с материалами из архива трагически погибшего ученого.

С 1920-х годов Юрий Софиев был участником нескольких парижских кружков русских поэтов, его избрали председателем «Союза молодых русских поэтов», образ его жизни в Париже отнюдь не был замкнутым. Однако, как это следует из его рассказа, он познакомился с жившим в Париже Эренбургом лишь после войны. Это тем более удивительно, что 31 марта 1925 г. Илья Эренбург писал в Питер Николаю Тихонову: «Здесь существуют молодые (русские) поэты. Я им давал читать (в кружке) Ваши стихи. Они ошалели от восторгов. Есть среди них изрядно способные».

Общение Эренбурга с молодыми русскими поэтами в Париже подтверждает и Нина Берберова в «Курсиве», говоря о «левых, одним из центров которых был Эренбург, окруженный всевозможными бездомными фигурами, талантливыми и растерянными, среди которых были Борис Поплавский, поэт Валентин Парнах и будущие модные художники: Терешкович, Челищев, Ланской и поэт Борис Божнев». Правда, эти строчки нуждаются в комментарии. С названными Берберовой художниками общалась преимущественно Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург, жена писателя, художница, ученица Экстер и Родченко. С Парнахом Эренбурги подружились еще в Берлине (свидетельство тому — экземпляр его книги «Карабкается акробат», вышедшей в Париже и украшенной пикассовским портретом автора, с такой надписью: «Любови Михайловне Козинцевой-Эренбург с благодарностью за очаровательный портрет, Илье Григорьевичу Эренбургу, автору "Хулио Хуренито", на память о наших "маниакальных" встречах в "Prager Diele", автор "Подрагиваний пролетариата" 12 II 22 Berlin»). Кроме Поплавского и Божнева, названных Берберовой, Эренбург общался с Довидом Кнотом (снова сошлюсь на автограф: 27 июня 1925 г. в Париже Д.Кнут надписал сборник «Моих тысячелетий»: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением»). Так что, сообщая Тихонову о па-

рижском кружке, Эренбург, скорей всего, имел в виду «Палату поэтов», созданную в 1922 г. в Париже Д.Кнотом (в нее входили Б.Поплавский, Б.Божнев, С.Шаршун, А.Гингер и В.Парнах), а не образованный в 1925 г. «Союз молодых русских поэтов», председателем которого был Ю.Софиев.

Рассказ о встрече 1946 года с Эренбургом и Симоновым Софиев начинает со слов о том, что, живя в Париже до войны, Эренбург держался в стороне от эмигрантов. Действительно, в тридцатые годы такое размежевание произошло. Вдова парижского художника В.Н.Найдича рассказывала мне, как в кафе «Белые» (Г.Иванов, Одоевцева, Ходасевич, Адамович) и «красные» (круг Эренбурга и Савина) сидели порознь и лишь холодно здоровались; только «перебежчики» (Гончарова и Ларионов) общались и с теми, и с другими; а от бывшего «белого» парижанина В.Б.Сосинского я слышал, как вплоть до Испанской войны он спокойно подходил в «Ротонде» к Эренбургу, прося его заплатить за кофе и соглашаясь взамен перестать обругивать писателя печатно.

Что же касается реплики Софиева о том, будто Эренбург лучше, чем к дру-

Ирина Кнорринг. 1925.

гим, относился к Гингеру и Присмановой только потому, что у них были советские паспорта, то хорошо помню, какой гнев это вызвало у Л.М.Козинцевой-Эренбург (Е.И.Ландау познакомил ее с записями рассказа Софиева); это было в октябре 1969 г., Л.М. говорила мне: «Я написала Ландау, что думаю об этих воспоминаниях. Там написано, что И.Г. помогал эмигрантам таким-то, когда они получили советские паспорта. Еще много людей живо, они смогут подтвердить, что И.Г. очень многим помог и ему было безразлично, какой у них был паспорт».

Встреча с Эренбургом и Симоновым на квартире А.В.Руманова описана и в известных воспоминаниях И.Одоевцевой «На берегах Сены», появившихся, когда Софиева уже не было в живых. Из присутствовавших на встрече и не упомянутых Софиевым Одоевцева называет лишь художника Ю.П.Анненкова, с которым она и пришла к Руманову, поскольку ее муж Г.Иванов за два дня до встречи уехал в Биарриц. Судя по тому, что рассказ о встрече с Эренбургом и Симоновым в книге «На берегах Сены» возникает в главе, посвященной Ю.Анненкову, и в памяти мемуаристки прочно связан с художником, ее свидетельству об отсутствии на встрече Г.Иванова, наверное, можно верить, и, стало быть, Ю.Софиев скорей всего перепутал участников разговора с Одоевцевой.

Здесь к месту будет напомнить некоторые детали из книги Одоевцевой, дополняющие рассказ Софиева. Во-первых, это замечание о том, как Эренбург 1946 года отличался от довоенного («Теперь у него вид "недорезанного буржуа", барственный осанка и орлиный взгляд»; «сенатор, вельможа» — приводятся слова Анненкова), а затем — подчеркнутая неотянувшаяся разговора с Анненковым и Одоевцевой в присутствии Симонова, когда московские гости после встречи подвозили парижан в своем автомобиле (разговор об Ахматовой и ее московском триумфе, и даже о Лье Гумилеве).

Софиев утверждает, что постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» появилось в печати на следующий день после

встречи на квартире Руманова (как известно, оно было опубликовано 20 августа 1946 г. в московской газете «Культура и жизнь» и 21 августа — в «Правде»), однако Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» пишет, что узнал о начавшемся в Москве литературном погроме, находясь во французском городке Вуврэ возле Тура, где он был гостем в усадьбе Анатоля Франса, и только вернувшись в Париж и увидев в посольстве советские газеты, понял, что это не утка. Поэтому точно датировать описанную встречу, пожалуй, нельзя; правильнее всего будет сказать, что произошла она за несколько дней до публикации ждановского постановления.

И еще об одном эпизоде, рассказанном Софиевым, — о просьбе дочери философа Л.И.Шестова посодействовать изданию в Москве его сочинений. Эренбург познакомился с Шестовым в Киеве в 1919 г.; они вместе недвусмысленно выступили против большевистского диктатора на официальном диспуте о пролетарской культуре; их встречи продолжались в Берлине в 1922 г. (об одной из них уже в 60-е годы Эренбург напомнил в письме писателю Е.Г.Лундбергу). Отношение Эренбурга к Шестову всегда оставалось глубоко уважительным, но, будучи прагматиком, Эренбург понимал бессмысленность самой постановки вопроса об издании сочинений философа в Москве 1946 года.

И, наконец, последнее, — о публикациях Эренбурга в парижской газете «Советский патриот» (она выходила с 24 марта 1945 г. по 16 января 1948-го). 19 апреля 1946 г. газета напечатала не только отрывок из романа «Буря», но и заметку «Илья Эренбург в Париже», а ровно через три месяца на ее страницах была напечатана написанная специально для «Советского патриота» статья Эренбурга «О третьей мировой войне».

Юрий Софиев

Встречи 1946 года

До войны, живя в Париже, И.Г.Эренбург держался в стороне от эмигрантов. Познакомиться с ним мне удалось после войны, когда я работал в редакции газеты «Советский патриот» — органа Союза советских патриотов, переименованного после Указа от 14/VI 1946 г. в Союз советских граждан. Газета выходила до 1947 г., потом была закрыта французскими властями. Ее редактором был профессор Одицев, а секретарем — Аркадий Вениаминович Руманов, в прошлом директор газеты «Русское слово», издававшейся Сытинным в Петербурге.

Летом 1946 г. Эренбург и Симонов были в Париже, и редакция «Советского патриота» и все примыкавшие к ней литераторы (почти все члены «Объединения русских писателей во Франции») пригласили их на вечер к Руманову в 15-й аррондисман. Они согласились прийти.

Собрались: Руманов с женой Лией, Александр Гингер и его жена Анна Присманова, Антонин Ладинский, Владимир Корвин-Пиотровский, Александр Бахрах, Георгий Иванов с женой Ириной Одоевцевой, Георгий Адамович, я, Георгий Раевский (младший Оцуп). Вероятно, был и Николай Оцуп. Не было Михаила Струве.

Встреча была назначена на 9 часов, но гости пришли в 10. Они извинились: где-то ужинали. Была милая, простая беседа. На столе — холодная закуска, чай, французское сухое вино.

Симонов держался очень просто, с ним была непринужденная беседа, он охотно читал «Ты помнишь, Алеша» и другие свои стихи. Эренбург был несколько официален и сдержан.

Когда Георгий Иванов представил ему Ирину Владимировну Одоевцеву и сказал: «Мы, Илья Григорьевич, друг друга хорошо знаем», — И.Г. холодно ответил, что не встречался.

Окончание на стр.12